

Василий Мазанюк

**Мама, я хочу
убивать**

Василий Мазанюк

Мама, я хочу убивать

«Издательские решения»

Мазанюк В.

Мама, я хочу убивать / В. Мазанюк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905487-6

Иногда злые мысли обретают форму. Что будет, если ты просверлишь череп соседу его же дрелью? Виктор Манилов один из тех, кто дал волю собственной ненависти и стал символом протеста, и олицетворением жестокости и безумного насилия. Что будет, если герой пойдёт дорогой злодея? Что будет, если добро станет агрессивным и жестоким? Можно ли построить мир через войну?

ISBN 978-5-44-905487-6

© Мазанюк В.
© Издательские решения

Содержание

Я убил себя	6
ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	19
ГЛАВА 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мама, я хочу убивать

Василий Мазанюк

© Василий Мазанюк, 2018

ISBN 978-5-4490-5487-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я убил себя

Горячая кровь и холодный кафель образуют прекрасный спектакль, полный чувств и эмоций. Они виртуозно дополняют друг друга. Работа в паре – вот залог их успеха. Сначала кипяток свежей красной жидкости намочил моё тело, а потом холод начал проникать сначала в кожу, затем, пробиваясь через куски мяса, он вгрызался в кости и буквально выламывал их.

ПРОЛОГ

Мама всегда учила меня: «никогда не бей первым». Я с пелёнок усвоил это правило, потому зачастую мне прилетало по роже и ответить я уже не мог. К слову, всё детство я рос спокойным и добрым мальчиком. Девочки любили меня, парни уважали. Во мне была искра, искра, которая в будущем должна была разжечь во мне огонь. Огромное пламя. Взрослые видели это во мне. Многие сулили мне хорошее будущее, возможно, из-за моей открытости и многогранности. Я умел всё: и быстро бегать, и красиво говорить, и сочинять стихи, и вам ли не похуй? Все мы в детстве кажемся талантливыми для взрослых, вот только всех нас в итоге ждёт могила. Холодная и сырая могила, сотканная из несбывшихся грёз и рухнувший мечтаний. Впрочем, это в будущем, а пока я золотоволосый мальчишка лет шести. С прекрасной белоснежной улыбкой и открытой душой.

Вскоре я пошёл в первый класс. В школе мне не нравилось, ибо я был сторонником сна до обеда, а не подъёма на рассвете. Но в целом я всегда встречал утро с улыбкой. И в школе старался со всеми поддерживать дружеские отношения. Бывали, конечно и драки, и ссоры, но редко. Помню одна из моих одноклассниц говорила, что лишь я способен подружить кого-угодно. Золотоволосый мальчишка семи лет. Лишь я мог подружить их всех.

ГЛАВА 1

Дрр... Дрр... Дрр...

Будильник зазвенел как обычно – раньше времени. И тут проблема не в самой технике, а в том, что я идиот. Я всегда ставил будильник раньше положенного, дабы просыпаться постепенно. Но всегда просыпался с трудом, как и в этот раз.

Хруст всех костей стал гимном моего утра. Наравне с ним олицетворять утро стал мой лысый приятель. Поначалу это вызывало моральный дискомфорт: вдруг кто-то зайдёт и увидит моего друга в боевой готовности. Впрочем, в этот раз, как и во все прошлые, никого не было. Я был один в холодной комнате. Будильник, как новые песни Жанны Фриски, я больше не слышал.

Я жил в двухэтажном доме. Он был относительно большим, некоторые знакомые в шутку называли его «особняк», но отнюдь, до особняка ему было также далеко, как и Егору Криду до философских размышлений в песнях. Моя комната сильно отличалась от всего дома. Окружение за пределами моей территории было жёлтым и ярким, в то время как в моем склепе преобладал тускло-синий цвет. К слову, я долгое время старался привести своё помещение в идеальный для меня вид. Любой эстет вырвал бы себе глаза собственными пальцами, ведь я безвкусен в выборе дизайна интерьера. Небрежное сочетание постмодернизма и барокко – вот что есть моя комната.

Неоновые лампы, которые освещают ветхое дубовое зеркало, вызывают когнитивный диссонанс. Старая и прекрасная картина, на которой изображён распятый Иисус на руках его творца и мощный компьютер с навороченным микрофоном и веб камерой. Сочетание несочетаемого. Ковёр, который по завету предков должен висеть на стене, у меня украшает пол. А место, где должна стоять огромная плазма – забито книгами. Что я любил в своей комнате, так это маленькую кофеварку, расположившуюся в тёмном и пыльном углу. И две гитары, которые я пригвоздил к стене. А ещё моя двуспальная кровать. На ней могли легко расположиться две сексуальные фотомодели и моё тощее тело. Но, увы, там располагались только две сексуальные фотомодели. Спасибо за такое постельное бельё, мам.

Самая муторная процедура утром – чистка зубов. С ранних лет жизни я относился с неприязнью к этому процессу. С ранних лет жизни я относился с неприязнью ко всему: парикмахерская, ванна, обед в школьной столовой, ваше мнение – я презирал многое, но не так явно, как сейчас.

Застёгивая пуговицы на рубашке, я попутно дискутировал с самим собой. Вот я не люблю общепринятую форму. Я не хочу подчиняться их правилам и устоям, носить белый верх и тёмный низ. Но, с другой стороны, если бы всех этих правил и устоев не было, я бы всё равно носил белый верх и тёмный низ. И тут мы переходим к тому, что я люблю – я люблю рубашки и вообще классическую одежду и, если бы не мои диссидентские взгляды на нынешний перечень правил, я бы и не возмущался. Выйдя на улицу я сразу почувствовал порыв ледяного дыхания Перуна, вы не подумайте, я разбираюсь в славянской мифологии также отвратительно, как и вы в своей жизни. Просто в детстве я много времени проводил за книгами, оттуда-то и растут ноги у выкидышей моего мозга.

Утром больше всего меня раздражали знакомые, которые просто обязаны поздороваться с тобой и прервать прекрасную красоту тишины твоих мыслей. Их я ненавидел больше всего, конечно, были и те, кто мог меня понять, они проходили мимо и не обращали на меня внима-

ния, как и я на них. Мои единомышленники. Жертвы утра. Мученики рассвета. На учёбе я в основном проводил время, направив тоскливый взгляд в окно. На площади города, как дети в магазине игрушек, копошатся взрослые и состоятельные люди. Они все бегут куда-то, что-то рассматривают и с кем-то вечно говорят. Были среди них и вечно ворчливые старые бабки, я бы мог провести параллель между ними и мной, но, в отличие от этих беззубых фурий, я умею скрывать свой гнев.

По пути в столовую я думал о том, почему за последний год я так сильно отгородился от социума. Мой нигилизм всегда питал мою душу (хотя парадоксально говорить о душе, считая себя нигилистом). В отрицании я видел свободу – свободу мысли и действия, отсутствие принуждения. И покуда старшие мне твердили, что я гоню себя в могилу, я цинично отвечал: «Заставить себя смеяться я не могу, но ваши потуги быть правильным вызывают улыбку».

Меня недолюбливали, но уважали. За последний год я превратил свой язык в смертельное оружие, которое меткими выстрелами разило оппонента. Конечно, среди них всех никто и не слышал о диалектике, потому спорить с ними было проще простого. Они упорно стояли на своём, но доказать ничего не могли. Только истинный глупец будет упорно стоять на своём, отвергая все аргументы и факты.

Пока я размусоливал то, что творилось в моей черепной коробке, моё тощее тело уже спустилось в общепит и прихватило миску с едой. Всё это было доведено до автоматизма. Иной раз я сам не замечал, как проходил сотни метров и, когда приходил в себя, оказывался в совершенно неизвестном мне месте.

Остаток рабочего дня я провёл в прострации. Вернувшись домой, я выпил антидепрессанты, которые забыл выпить утром. Согласен, в 17 лет сидеть на таблетках не круто, но ещё хуже умереть в 17. У меня было много планов... раньше. Сейчас юношеский максимализм выебал мою рефлексирующую натуру и заставил меня на всё это смотреть. Хуже только ваше отражение в зеркале. Но суицид был слишком неприятен для меня. Я не хотел умирать от собственных рук, я выше этого. Смерть – это протест обществу. Я бы хотел, чтобы моя смерть принесла пользу человечеству.

Основное моё развлечение дома – чтение книг и просмотр кино. К слову, любовь книгам у меня проснулась два года назад, до этого я считал это занятие скучным и читал, и то редко, различные энциклопедии по биологии и мифологии. Ныне я часы провожу за книгами. Потому мой день пролетает незаметно. В перерывах между отдыхом я ем. Еда – это прекрасно. Если бы у вас был выбор – 5 кг мяса или женщина, берите женщину: в ней больше мяса, а следовательно, больше еды.

Я, будто аскет, уходил от социума, запиравшись в комнате. Но интровертом я называть себя не могу. Я любил внимание ещё с пелёнок. Когда мной восхищались, когда меня обсуждали – это было великолепно. Внимание – вот мой наркотик. Я должен быть в центре внимания. Моё эго превыше других. Я и только я прав. Я закон. Я власть. Я бог. Я идиот, блять. Внимание людей – это чушь. Если вы ставите для себя целью жизни славу, то вы идиот. Конченный и ****утый идиот (Привет, я в прошлом). Впрочем, сейчас у меня и вовсе нет цели в жизни. Как у вас нет второй половинки, а если есть, то эта книга не для вас – идите к чёрту, тут только грусть и гнев.

Уснул я быстро. Сладкий аромат пучины сознания манил меня и я был готов вкушать прекрасный нектар, дарованный моим подсознанием – сон.

Напоследок. Если вы читаете это произведение, значит оно закончено. Сейчас я пишу его и я даже не знаю, чем всё кончится. Я даже не знаю, что ждёт вас в следующей главе. Нет

ни плана, ни структуры сюжета. В эту книгу я просто выплёскиваю свои эмоции. Но если вы это читаете, то я вам завидую, ведь на руках вы имеете законченный материал, в то время как я ещё в поисках эпилога.

ГЛАВА 2

Это было бы обычное утро. Классическая рутина. Треклятая обывательщина.
За одним исключением.

Мои родители любили уезжать отдыхать в Финляндию. Чтобы вы поняли, насколько сильно они любили отдыхать в Финляндии, я внесу одну деталь – они купили там дом. Но сегодня они решили туда переехать. Наш дом переходил в мои руки, как и полная свобода. Они бы регулярно высылали мне деньги, а я бы регулярно говорил «Спасибо» – идеальный расклад событий.

К слову о моих родителях. Это идеал СССР (хотя родились они значительно позже). Хорошо сложенный отец и не менее хорошо сложенная мать. Не глупые, но и не высокоинтеллектуальные люди. Настоящие трудяги, место их работы опустим. Они были верующими, из-за чего часто случались полемики между мной и родителями, но они были очень лояльны к моим взглядам и рассчитывали на то, что «с возрастом поймёшь». Вообще я рос в семье православных патриотов и из этого следует интересный тезис:

Ярая пропаганда со стороны социума действует на индивида двояко.

С одной стороны он может примкнуть к ним и начать разделять их взгляды.

С другой – он возненавидит этот самый социум.

К несчастью моих родителей, я выбрал второй вариант. И я уверен, что, если бы я рос в окружении космополитов и атеистов, из меня бы вышел отличный православный патриот.

Так вот, мои «старички» уже сегодня уезжали из страны. Документы были готовы и теперь я находился в курсе их планов. Меня всё устраивало.

В очередной раз направляясь в школу, я заметил, что на каменном бордюре близ моего дома расположилась какая-то женщина и торговала различными гелями и лаками для волос. Она была неухоженная и меньше всего смахивала на продавца. Спортивный костюм. Заплывшие глаза и ехидная улыбка, не знаю, как именно Ксения Собчак скатилась до такого, но по внешним данным эта особь напоминала именно эту женщину.

Казалось бы, ничего такого в этой самке не было. Но мне словно камнем по голове прилетело, начали появляться грязные и злые мысли. Я отчётливо видел, как при помощи канистры с бензином поджигаю весь её товар у неё на глазах. Она исступленно вопит и кидается на меня с кулаками. Но я поджигаю и её. Её тонкий стан, подобно спичке, моментально вспыхивает. И её кожа, как сыр в микроволновке, начинает облезать и лопаться. Горит всё: глаза, которые уже вытекли, нос, руки, ноги. Всё. От жирных волос остался только факел. Она падает на землю и теряет сознание. Я смеюсь. Смеюсь настолько сильно, что моей смех отвлекает меня от моей рефлексии и я опять вижу эту женщину, торгующую палеными лаками и гелями.

Такие видения для меня норма. Как только меня что-то выводит из себя – я убиваю это что-то в своей голове.

Преподаватель сегодня вырядилась слишком вычурно. Кроваво-красная блузка и тёмная юбка создают из этой серой крысы попугая. Её волосы до плеч – покрашены. На макушке виднеется седина. Ей бы пошла седина. Ей бы подошёл дубовый гроб.

В помещении стоит жуткая вонь. Сочетание карябающего аромата плесени и тошнотворного привкуса пота вкупе создают нечто, не поддающееся описанию. Бледно-бежевые стены вгоняют в тоску, а маленькие стулья вызывают дискомфорт.

Всё чертовски неудобно.

Всё чертовски мерзко.

Окружающие переполнены позитивом. Одни бурно что-то обсуждают, другие с энтузиазмом дискутируют с учителем. Я завидую им. То время, когда я мог так же, как они, открыто выражать эмоции – прошло. Остался сладкий привкус былого.

– Ты для приличия, может, тетрадь откроешь? – скрипящий голос привёл меня в чувства. – Я могу простить многое, но не хамство, – она продолжает резать мой слух. – Я с кем разговариваю?

Забавно, что подобные ей узколобы привыкли правду принимать за хамство.

Я вижу. Вижу окровавленный молоток в моих руках. Я вижу её тело, в меховой жилетке она лежит на спине. Все зубы выбиты. Один глаз вытек, второй опух от ушиба. Кончик носа отрезан, а одна щека порвана. Я стою над ней. Я смотрю ей в глаза, вернее в то, что от них осталось. Я бью. Громкий хлопок, подобно звуку взорванной тыквы, разносится в кабинете.

Как только меня что-то выводит из себя – я убиваю это что-то в своей голове.

– Я тебя не допущу к экзаменам, – повышая голос говорит она. Блефует.

Но эта женщина далеко не тиран, просто не вышла умом. Её многие ненавидят за лицедейство. Но открыто ненависть проявляю только я. Вот потому ко мне такое отношение. Я открываю тетрадь. Она закрывает рот. Ненадолго.

Мои туфли испачканы. Всему виной мой цинизм к внешнему виду. Мать прочла бы мне нотацию о том, что нужно следить за собой. Но её здесь нет.

После учёбы я возвращаюсь домой. Родители уже собрали чемодан и через час улетают. Прощаться всегда непросто, но куда сложнее приветствовать других. Приветствовать искренне, без фальшивых улыбок.

– ...девочек можешь приводить, но не забывай о презервативах! – монолог мамы окончен. Она всегда беспокоится о том, что я подхватю какую-нибудь болезнь или стану отцом.

Прощание недолгое. Они уезжают. Дом наполняет тишина. Обожаю подобные моменты. Быть наедине со своими мыслями, без посторонних звуков – это прекрасно. Но внезапно мою гармонию прерывает музыка, громкая. Когда живешь в центре города, к этому быстро привыкаешь, но не в моём случае. Это очередные животные, которые решили «потусить» в столь поздний час.

Я вижу, как я просверливаю их барабанные перепонки. Вбиваю гвозди в уши. Как они выглядят, я не знаю, поэтому образ абстрактный.

Как только меня что-то выводит из себя – я убиваю это что-то в своей голове.

Я подхожу к зеркалу.

В отражении вижу плацебо. Человека бесполезного и ненужного. Мои мешки под глазами гармонируют с щетиной. Внешне я ничем не отличаюсь от других. Не красавец, не урод – никто. Даже цвет моих волос, который одни относят к шатенам, другие к блондинам, указывает на это. А подростковые прыщи акцентируют внимание на проблемной коже. Опустив взгляд на свою рубашку, я вижу, что она помята.

Мать прочла бы мне нотацию о том, что нужно следить за собой. Но её здесь нет.

Рубашка белая, но не как облако, скорее, как лист ромашки. Красный галстук, подобно языку пламени на фоне пепла, сильно выделяется. Тёмно-синие брюки испачканы. Всё из-за луж. Всё из-за нестабильной погоды. Ненавижу снег. Если бы он был человеком, я бы сломал ему колени.

Как только меня что-то выводит из себя – я убиваю это что-то в своей голове.

Я продолжаю смотреть на своё отражение. Голубые глаза окунают меня в ледяную про-рубь, в глушь леса. Холод обволакивает моё тело. Проникает под кожу. Наполняет легкие освежающей влагой.

Энергия с ног плавно переходит в голову. Я чувствую горячий прилив живительной силы. Он бурлит внутри меня и я теряю равновесие. Бьюсь лбом о собственное отражение. Теперь мои глаза ещё ближе, теперь контакт с реальным миром ещё дальше.

Лёгкая тошнота и кислый привкус во рту наталкивают меня на мысль о том, что хорошо было бы поесть.

А громкая музыка за окном зарождает во мне злую, жутко злую идею. Как только меня что-то выводит из себя – я убиваю это что-то.

ГЛАВА 3

Месяц я вынашивал в голове жуткий план. Ровно месяц я выглядел подобно зомби, одержимый идеей.

Сейчас ровно двенадцать часов ночи. Я продумал каждую деталь. Увидев меня сейчас, вы бы меня не узнали. На мне свободные джинсы, тёмные кеды и толстовка с глубоким капюшоном, но, надев его полностью, я бы не увидел ничего кроме пола, поэтому он надет наполовину. Черная бандана с непонятным белым узором скрывает моё лицо так, что видно лишь мои преснозелёные глаза и желтую чёлку. Зимние кожаные перчатки и чёрный, однотонный рюкзак. В нём у меня находится пакет, в котором две бутылки Коктейля Молотова. Я перерыл весь интернет, изучил все возможные рецепты приготовления бутылок с зажигательной смесью. Наиболее простым мне показался рецепт Че Гевары, который был придуман намного раньше революции Фиделя Кастро, но который активно использовал Че. Бутылка 0,5 литра, в неё добавляется 3/4 бензина, 1/4 масла. Уильям Пауэлл в своей «Поваренной книге Анархиста» рекомендует такой же рецепт, но используя бутылки объёмом 1,14 л., что меня устраивает куда больше. Благо открыть такой размер не сложно, бутылка из под вина отлично подошла. Я решил немного изменить рецепт и в жидкость добавить пенопласт, который удвоил время горения. Растворив всё это в паре бутылок из под вина, я принялся за фитиль. Тут ничего сложного, порвал пару старых футболок и готово. Дальше просто. Пропитываешь кончик фитиля в той смеси, которая внутри или же просто бензином и вставляешь её внутри, не полностью. Следом идёт крышка и *Voi la* коктейль готов. Парни на машинах приезжают в каждый вечер в 9 и уезжают ближе к 2 часам ночи. Лучшее время, для осуществления плана – полночь.

Местные часто вызывали полицию, но это не помогло. Иногда приезжал патруль и прогонял нарушителей порядка, но на следующий день они возвращались. Полиция бессильна. Время для самосуда.

Всю эту неделю я продумывал план отхода. Всё просто:

Они собираются в центре города. Есть четыре основные трассы лежащие крест-накрест, отходить по ним глупо, ибо на них много людей и их часто патрулируют. Тогда берём оставшиеся две. Одна идёт вдоль реки, где вообще нет людей, но она сразу отпадает: любой преступник пошёл бы именно туда. Остаётся одна дорога, на которой нет асфальта, а по обеим сторонам жилые дома. Там в основном живут пенсионеры, ибо улица довольно старая, поэтому да, пойду по ней. В полночь, ради экономии, наше правительство отключит фонари уличного освещения на подобных улицах. Поэтому будет довольно темно, что мне на руку.

Вчера я прогулялся по этой улице и в кустах спрятал сумку с вещами. В ней красная спортивная куртка, спортивные красно-синие брюки, красная шапка и белые кеды.

И так, часы проббили полночь. Толпа «пацанов на тачках» громко слушает музыку. Громко. Они не знают, что на каждое действие найдётся своё противодействие и этим противодействием станет огненная бутылка.

Я стою в тени под деревом, расстояние от меня до них где-то 15 метров. Я отчётливо вижу их. Большинство в спортивных костюмах, кто-то в джинсах и кожаной куртке. Несколько девушек без бровей и с ярким макияжем, в лосинах, которые облегают всё, включая их основное средство заработка. Их где-то семеро. Две девушки, остальные парни. Что ж, я готов. Они заняты своим разговором и даже не смотрят в мою сторону, что мне на руку. Достāju пакет – две бутылки. Поджигаю первую, моментально вспыхивает фитиль. Чувствую как кусачие языки пламени начинают танцевать своё предсмертное танго. Симфония хаоса вот-вот начнёт радо-

вать слушателей. Первая бутылка в воздухе, я не наблюдаю за её полётом, достаю вторую. Громкий треск – мой огненный друг приземлился. Ровно на капот машины. Пламя моментально начинает поглощать отведённое ей пространство, как посетители кафе свою первую за сегодня пищу.

Толпа оборачивается. Они шокированы. Громкий мат доносится из их уст.

Вторая бутылка приходится на боковую дверь машины, левую. К слову, машина стояла ко мне полубоком, что позволило поджечь и капот, и дверь. Как только все загорается, я начинаю отходить быстрым шагом. Они не видели, откуда прилетел этот дар божий. Они не знают, кто посланник этого подарка. Я иду. Обернувшись, я вижу как они пытаются потушить пламя водой.

Идиоты. В состав входит бензин, а тушить его водой – ****утая идея.

Вы знаете, что большинство пожаров в лесу разгораются из-за того, что люди тушат бензин водой? Закидывайте огонь песком или ограничьте доступ кислорода, если нет рядом огнетушителя. Но не водой. Машина плавится. Крики и ядрёный мат. Треск стекла и взрывы колёс – вот она симфония хаоса. Bravo. Дирижёр справился на отлично.

– Эй ты, в капюшоне, иди сюда, нахуй!

Они заметили меня.

– Это ты сделал, пидорасина, блять?

Я начинаю бежать.

Двое устремляются за мной. Уверен, они бегают быстрее, но расстояние между нами уже большое.

– Стой, сука, переебу нахуй!

Я молча продолжаю бежать. Чувствую каждый свой шаг. Каждый толчок от земли подбрасывает меня в воздух и я набираю скорость. Сердце подобно мотору гоночного болида – бешено бьётся, Умело перепрыгивая ямы и колдобины, я двигаюсь дальше. В голове прокручивается эпизод из детства, когда мы с Денисом (моим лучшим и, пожалуй, единственным другом) забрались на заброшенный завод, а потом нас заметил охранник.

Ситуация идентична. Тогда я бежал с такой скоростью, что всё вокруг замирало на мгновение. Сейчас всё повторяется.

Умело перемахнув через забор, я скрываюсь в тени под мостом над рекой. Мне пришлось изменить маршрут и побежать к реке, дабы отвязаться от хвоста. Эти парни побежали дальше, не заметив моей пропажи. Я ринулся обратно и вот я уже спокойно шагаю по нужной мне улице. Нахожу свою сумку. Быстро переодеваюсь и спокойно бегу по улице. Я спортсмен, который задержался на пробежке. Я невинный ангел, который ничего не делал. Я сжёг вашу машину.

Дома я спокойно достал все свои вещи из сумки и кинул в стирку. Руки пахли бензином.

За окном стоял дикий гул. Полиция, пожарные, гопники, чью машину я сжёг. Все что-то выясняли. Но этот шум был для меня словно колыбельная. Я уснул. Так крепко я давно не спал.

Симфония окончена, все расходятся по домам. Зал опустел.

ГЛАВА 4

Вода повсюду. Она оккупировала каждую клетку моего организма. Лёгкая прохлада заставляет меня расслабиться. Боже, как же я устал. Я вечно в напряжении, вечно думаю о всякой ерунде и ищу подобных мне в этой увертюре жизни. Вся проблема в том, что я не могу расслабиться. Все эти дорогие тренировки от дешёвых людей. Всё это не помогает. Жуткая раздражительность и вечная сонливость.

До меня доносится приглушённый диалог. Разобрать ничего не возможно. Но слышно и смех детей, и надрывающийся звук от свистка, и крики тренера. Под водой это всё не так раздражает. Под водой вообще мало что раздражает, разве что отсутствие воздуха. Я чувствую гармонию внутри себя. На секунду, но чувствую. Мир застыл, замерло время. Все вокруг либо спят, либо мертвы. Я один под водой. Моя тяга к огню прекрасна, но всему нужно знать свою меру. Вода отлично подходит для умирения звериного нрава моей души.

И вот я на дне. Вчера я сжёг чужую машину, но меня это ничуть не беспокоит. Куда сильнее на меня повлиял мой сон.

Это была вечеринка, приуроченная к юбилею какого-то университета. Я там был не один, со мной был мой приятель – Снегирь. Добрый малый, поживиться у него нечем, но он был отличным сайдиком моего фильма. Когда нужно было разбавить треклятое одиночество, он вызывался первым. И он был здесь, правда среди огромной толпы студентов я потерял его.

Мы находились в большом доме, это был классический двухэтажный дом из американских молодёжных комедий. Громкая музыка, стол с закусками и огромное количество людей. В целом меня удивило моё нахождение здесь. Я не особый любитель шумных компаний, тем более неизвестных мне людей. Но по воле моей фантазии я оказался здесь.

Пройдя в самую дальнюю комнату через огромный зал, я оказался в коридорчике, где стояли два кресла. На одном сидела девушка. Другое было свободно. Я, подобно мешку с дермом, грубо свалился на это кресло. Оно было жёлтое, как и обои в зале. Сама же комната была сочетанием серого и синего.

Сначала я не обратил внимания на женскую особь, что находилась на соседнем кресле. Она была небольшой, ниже меня, со светлыми волосами до плеч. Глаза голубые, но не как нынешняя эстрада, они больше походили на морскую волну. Я никогда не разбирался в цветах, поэтому описать это затруднительно. На ней была надета тёмно-серая футболка, из ряда растянутых. Её плечо было оголено. Виднелась лямка от лифчика цвета кожи мертвеца (я не мастер сравнений, так что не ебите мозг). Сама девушка в обеих руках держала стакан с чаем и смотрела вдаль. Но не на кого-то конкретно, скорее сквозь кого-то. Взгляд в пустоту.

Я не знаю почему, но меня охватило дикое желание познакомиться с ней. Кровь вдарила в голову и я уже чувствовал, как виски начали пульсировать. Её нежные руки, словно лепестки роз, манили меня к себе.

Хотя кого я обманываю, ни о какой любви и речи не шло. Мной двигало желание дикой ебли. – Здравствуй, – я решил начать диалог, но она не услышала. Тогда я повторил. – Привет. Я... – громкая музыка перебивала мои слова – ... я Витя.

– А? Что? Привет, – неохотно ответила она. – Как ты оказалась здесь?

– Меня пригласили, а ты?

Её слова звучали вяло и без интереса. Я ей неинтересен, ответный вопрос она задала из вежливости. Вряд ли я её заинтересую, поэтому я решил бить козырями.

– Как ты считаешь, если взорвать этот дом вместе со всеми, кто здесь находится, будет отличный фейерверк?

Моя банальная проверка. Обычную девушку это оттолкнёт. Даму с чувством юмором развеселит, а подобную мне особь – заинтересует.

– Аахаха, тут будет преобладать красный цвет. А это очень посредственный фейерверк.

Она мило улыбнулась мне. Её улыбка, я готов был смотреть на неё вечно. Но вечно смотреть на неё было нельзя.

Наконец мне удалось завести с ней разговор. Я узнал, что она не отсюда, но волею судьбы попала именно в этот город. Она увлекается музыкой, играет на пианино и любит перечитывать сочинения Иоганна Фихте. Я не сторонник классической немецкой философии, мне ближе Шопенгауэр с его напыщенностью и враждебностью.

Мы проговорили ещё долго, хотя время во сне понятие относительное. Из-за едкого шума, мы ушли на крышу. Небо было прекрасным. Чистое и таинственное. Оно завлекало своей загадочностью. Она сидела рядом, положив голову мне на колени. Мы говорили, говорили об одиночестве и о собственных страхах. Это был прекрасный момент. Я чувствовал не просто близость души от этой девушки, я чувствовал отражение себя в ней. Пускай не полностью: во многом мы отличались, но эта жажда полёта мысли выражалась в ней так же, как и во мне.

Она подвинула голову ближе, уткнувшись затылком в мой пояс. Я правой рукой слегка касался её волос, а левой гладил её теплые плечи. Но внезапно мой старый друг в штанах активизировался. Это нелепо, но я осознавал, что сейчас вся романтика полетит к ***м. Я начал представлять мёртвых котят, что только усугубило процесс. Была бы моя рука в кармане, я мог бы свалить всё на свою руку, но, ****ь, мои руки не находились в карманах.

Благо, вовремя подоспел мой друг Снегирь. Он был в доску пьян. Не мог связать двух слов. Но она услышала его и подняла голову, я повернулся и увидел его.

Моя романтика нарушена пьяной птицей. Отлично. Но это полбеда, он пытался что-то мне сказать, как вдруг его горло начало извергать всю съеденную им еду за день.

СНЕГИРЬ, ТЫ **ЫЙ ПИДОРАС!**

Я проснулся. Одеяло было смято в стороне. Словно я обнимал его, пока спал. Солнце сквозь серые тучи пыталось осветить мою комнату. Но всё тщетно. Сегодня выходной, а значит мне нужно сходить в бассейн. Чем я и занялся.

И вот сейчас я под водой. Воздух давно кончился и мою грудь что-то сдавливает с такой силой, что скоро мои лёгкие полезут через рот. Я вынырнул.

Вокруг жизнь шла своим чередом. Дети учились плавать. Жирные женщины сгоняли вес, а накачанные студенты спортшколы прыгали с трамплина. К слову, сам бассейн существовал ещё со времён СССР, он был очень старым. Но старость можно было заметить не сразу. Он отлично сохранился. Всё это здание, в котором он находился, отлично сохранилось.

Моё время вышло. Я вылез, помылся в местной душевой и побрёл обратно домой. Путь был долгий, но времени у меня было навалом. В основном я думал о ней. О той девушке из сна. Серый мир померк на её фоне. Все мысли были о ней. Но её эфемерность буквально грызла моё сознание, создавая неприятную боль внутри.

Проходя мимо очередного ничем не примечательного кафе, я заметил телевизор, который показывал репортаж о вчерашнем пожаре в центре нашего города (к слову, в бассейн я ездил в другой город, из-за этого дорога и занимала много времени). Кадры ржавой кучи металла мелькали на экране. Полиция не знала, кто это, но, по их заявлению «Уже начат

розыск». Гопники матерились и говорили что-то невнятное. И тут самое интересное: мнение местных жителей. Первым был какой-то старик. Лет семидесяти. На нём была смешная кепка, такие раньше носили разносчики газет и шофёры. Он прокуреным голосом начал:

– Я поддерживаю того парня, который это сделал. Так и надо этим подонкам. Козлам. Фашистам! Спать мешают. А полиция ваша ничего не делает. Да будь моя воля, я поступил бы так же. Будь моя воля, горела бы не только машина, но и они тоже, черт их дери!

На моём лице невольно промелькнула улыбка. Я стоял в самом центре кафе и смотрел на телевизор. Следующей была бабушка, лет пятидесяти. Она начала:

– А вы чехо хотели? Боротися с таким поршивцами надо. А ваша милиция не борется, – у неё был акцент, она не выговаривала букву Г и вообще выражалась просторечно. – Конечно нельзя вот так поджигать машины. Но шо нам остаётся делать, кохда эта ваша молодёжь спать не даёт? И правильно сделали, будет вот это вот им уроком!

На моём лице все больше проявлялась ехидная ухмылка. Дальше был корреспондент. Девушка, в красном пиджаке. Она сказала, что меня уже успели назвать «Народным мстителем». Я не согласен с этим выражением, ибо я далёк от народа. От пролетария и буржуа. Я далёк от всех. Но звучит это забавно.

Асоциальная личность действует во благо социума.

Репортаж закончился, и я продолжил путь. Интересно, удастся ли им поймать меня? Вчера на моём пути не было ни одной камеры видеонаблюдения. Думаю, это будет сложно.

Внезапно у меня в кармане зазвонил мобильный. Это был старина Денис. Я уже год с ним нормально не общался. Он нашёл себе девушку и всё время проводил с ней.

И что же ему нужно от меня? Я поднял трубку.

– Я в больнице, срочно приезжай. Палата 23. Гудки. Долгие гудки.

Да *****. Впервые в жизни хотел отдохнуть!

ГЛАВА 5

В нашей стране больницы выглядели как морг. Холодные плитки, белые потрескавшиеся стены. Потолки с подтёками и плесенью. Всё это навевало отчаянье и сюда просто не хотелось идти.

Огромное количество больных справа и ещё больше больных слева. Бесконечные очереди. Все кашляют и сморкаются. Дети плачут, взрослые злятся. Отвратительная вонь стоит по всему коридору. Жуткий запах вяленой рыбы вперемешку с ароматом свежесорванной ромашки.

А вот и нужная палата. Как только я открыл дверь, предо мной предстала поистине жуткая картина. Я был шокирован. Крайне шокирован. Лицо моего бывшего лучшего друга походило на отбивную. Оторванные куски кожи были пришиты обратно, кривой нос и заплывшие глаза. Гипс, повсюду был гипс. Страх трусцой пробежался по моей коже вызывая обезумевшие мурашки.

– Ден, как ты? – дрожащим голосом спросил я.

– Вить, Витян, всё ***во, – прохрипел он.

– Как ***во? По-моему, ты отлично выглядишь.

Мой сарказм был со мной всегда, он заменял мне совесть.

– Пошёл ты, – будто пережёвывая собственные зубы, сказал он.

– Так что произошло?

– От****или за просто так

– Кто?

– Фарух Колебидзе с кентом.

Я знал Фаруха, это не настоящее его имя. Настоящее не знал никто. Дикий парень. Фанател от Крёстного отца и в целом мафии. Из себя не представлял ничего особенного. Знаю, занимался каким-то спортом, вроде бы, поэтому был в хорошей спортивной форме. Но он не спортсмен. Спортсмены приятные ребята, они дисциплинированы и спокойны. Он не такой, спорт исключительно для того, чтобы показывать насколько ты крут – животное.

– Я шёл домой, – продолжил мой друг. – Они бухие стояли около парковки и начали задирать меня. Им не понравилась моя куртка. Требовали, чтоб я её снял. Я отказался. Я здесь.

Кровь внутри начала бурлит. Это не кровь, это желчь. Огромные волны желчи сейчас начнут штурмовать мой мозг.

– Хотел попросить тебя позвонить Ире и рассказать всё, я сам не могу. Не хочу, чтоб она видела меня в таком состоянии.

Боже, даже сейчас он думает о своей возлюбленной.

– Хорошо, – сказал я. – Хорошо.

Я молча вышел из палаты. Больше не мог оставаться внутри. Его вид меня печалил и злил одновременно. Я хотел убить его. Забить костылём до смерти, заставляя глотать его собственные зубы. Его немощность, его слабость – они бесили меня.

Как только меня что-то выводит из себя – я убиваю это что-то в своей голове.

Но я знал, что мне нужно делать. Фарух зарождает во мне злую. Жутко злую идею.

Обдумывая увиденное, я сам не заметил, как прошёл несколько кварталов. Я оказался в месте, где никогда не был. С одной стороны огромная бетонная стена, за ней пустырь. В радиусе километра никого. С другой стороны задняя часть какого-то завода. На этой части напрочь отсутствуют окна. Просто гора кирпичей. Чуть дальше находится шиномонтажная. Она непопулярна и, по всей видимости, туда приезжают только знакомые хозяина, чтоб по дешёвке использовать услуги. Но каково было моё удивление, когда я увидел внутри Фаруха. Того самого Фаруха. Грязное животное смеялось. Его хохот напоминал вопль бегемота, нежели смех. Во мне проснулась злоба. Рваная ненависть, которая жаждала крови. Крови того, кто её заслужил. Его звериный смех, он бесил меня. Нет плохих наций, есть плохие люди. Нет плохих религий, есть плохие люди. Нет плохих стран, есть плохие люди. Нет плохих людей, есть дерьмо, которое должно быть смыто с мольберта жизни. И, коль власти спят, я вызовусь первым. Тем кто смоет дерьмо. Народный мститель.

Я уже был на полпути к дому. План мой был тривиален. Травматический пистолет, который достался мне от отца, должен был помочь в решении проблемы. Но всё не так просто. Если я совершу нападение на Фаруха, на меня сразу же выйдет полиция. Чтобы ничего плохого не произошло, мне необходимо алиби. Но и тут решение есть: тетя Маша, моя соседка. У неё есть девятилетний сын, бунтарь во всех аспектах. Она боится оставлять его дома и обычно нанимает ему няню. Но завтра, в понедельник, я могу выступить в качестве няни. Тут всё предельно просто. Она уходит на работу, а работает она в ночную смену, а я остаюсь с её сыном. Но мальчонка смыслённый. Пара сотен рублей заставит его сказать то, что нужно мне. А точнее, я оставлю его на ночь дома. Он в плюсе, я в плюсе. Заплачу ему пару сотен, чтоб он наверняка сказал полиции, что я всю ночь провёл с ним. Пожалуй, так и поступлю.

Утром следующего дня я незамедлительно связался с тетей Машей, пока шёл в школу.

– Ой, Вить, спасибо, ты сильно выручаешь, у меня сейчас и так с деньгами туго. Прямо спасибо, я тебе деньги потом отдам.

– Не стоит, тетя Маша Я знаю вас с детства, вы меня ещё крохой помните. Плюс дома мне одному одиноко, а тут я хотя бы не один буду.

– Бедняжка. Не понимаю твоих родителей, как они могли такого мальчишку оставить одного?

– Тётя Маша, не переживайте, я привыкну, к тому же у меня есть вы.

– Спасибо, Вить, ещё раз спасибо большое. В девять можешь подходить.

Школьная рутина прошла незаметно. Когда ты одержим идеей, то всё проходит быстро.

Дома я достал пистолет. Одна обойма и ещё 3 пули. В обойме 8 пуль. Итого 11. Мне хватит. К слову, пара точных выстрелов в голову с травматического пистолета могут убить человека. Но я на людей не охочусь. Я охочусь на зверей.

Было два часа дня.

Я сидел в пустом доме, в пустой комнате, на стуле. Прислонившись грудью к спинке кресла, я рассматривал пистолет. Я иду на такой шаг ради Дена? Или ради себя? Смогу ли я убить? Смогу ли я жить после убийства? Сегодня я всё узнаю.

Сегодня я иду убивать.

Тишина втянула меня в пучину рефлексии. Поток мыслей быстро менялся и я уснул.

ГЛАВА 6

Бля, бля, бля! Всё пошло не по плану и это мягко говоря. Сейчас я весь в крови, боже, да на моих ногах до сих пор остатки мозга. Маленькие комочки отборного мяса вперемешку с грязью. Обойма пуста. Все руки в крови. Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Когда я проснулся на часах было уже девять часов вечера. Мне нужно было идти домой к тётке Маше, что, собственно, я и сделал. Она очень быстро покинула нас и я остался наедине с её спиногрызом. Всё шло по плану. Он обещал молчать, я заплатил ему. А сам пошёл домой.

Здесь я переоделся в толстовку, надел перчатки, бандану и взял пистолет. Всё шло по плану.

Уже ближе к одиннадцати вечера я находился рядом с шиномонтажной, где и обитал мой недруг. Я долго наблюдал за ними. Они ничего не делали, только курили кальян и дико смеялись. Рядом с ними была девушка, с виду славянка. Я ждал, пока она уйдёт, но она не ушла, а взяла под руку приятеля моего врага и пошла с ним в другое помещение. Я подождал ещё пять минут и затем пошёл в шиномонтажную. Улица была пуста, ни одной души вокруг. Отлично.

Этот зверь вышел на улицу, поссать. Я прошёл за его спину и сел на кресло в шиномонтажной. Они смотрели футбол. Рядом со мной стоял кальян. Фарух вошёл обратно и его лицо окрасило недоумение.

– Ты кто, блять, такой? – зарычал он.

– Тише, ты же не хочешь отвлекать наших друзей, – сказал я и указал на соседнюю дверь, где дико стонала девушка.

– Ты Арсена кент?

– Нет

– Тогда чо ты здесь забыл?

– Фарух, верно?

– Он самый

– Как ты считаешь, что хуже: умереть в муках или после мук остаться в живых?

– Ты чо, ****ь, угрожаешь мне нахуй?

Я встал и медленно пошёл к соседней двери. В замке торчал ключ, я повернул его несколько раз, закрывая дверь.

– Эээ блять, ты не ахуел ли часом? – его это разозлило. – Сними эти тряпки с лица и покажи мне, кто ты есть, клоун сука.

Я снял бандану. Меня он явно не узнал.

– Вали отсюда, ща мусоров вызову.

– Вызывай.

– ****а тебе!

Он со звериной прытью ринулся в мою сторону. Пистолет был снят с предохранителя. Я достал его из штанин и выстрелил ровно два раза, прямо в грудь. Фарух, как подстреленный буйвол, с грохотом упал на землю. Стоны за дверью прекратились. Я смотрел на него, смотрел, как он мучается, как он хватается за грудь и жадно глотает воздух, подобно рыбе, которая попала на сушу. В его глазах читался испуг, а в его движениях виднелась слабость. Именно эта слабость пробудила во мне ненависть. Я буквально сгорал изнутри. Его лицо, бледное от страха лицо, оно манило меня и я не знаю... Не знаю, что на меня нашло, но я поставил пистолет на предохранитель и засунул его обратно в штаны. Медленным шагом, как заключенный на эшафоте, я подкрадывался к подбитой дичи. Он уже начал постепенно приходить в себя и успел лечь на живот. оперевшись на руки, он пытался подняться, но я ударил его

ногой по спине. Этот бык ударился лицом об бетон и теперь его физиономия напоминала скорее свинью, нежели быка.

Это был нечестный, гадкий и подлый бой. Но когда они избивали моего друга, вряд ли они думали о честности.

Я взял в руки монтировку. Стоны за дверью возобновились. Перевернув свою жертву на спину, я принялся колотить его монтировкой. Сначала бил по рёбрам. Первый удар был очень тяжёлым, я почувствовал вибрацию в руке. Он простонал, как медведь в капкане. Я ударил снова, в этот раз удар пришёлся по верхним рёбрам. Это было очень сильно, я вложил в этот удар столько гнева, сколько вообще могло в него вместиться. Затем пошла серия ударов. Ударов по рукам, коленкам, кистям, по всё тем же ребрам. Композиция, сотканная из его свинных визгов и громяющих ударов монтировкой, наполнила помещение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.